

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ЛИЧНЫХ ДОКАЗАТЕЛЬСТВ ПРИ ДОКАЗЫВАНИИ ВОЛИ СТОРОН ДОГОВОРА

Е. А. Шапошников

Воронежский государственный университет

THE USE OF PERSONAL EVIDENCE WHEN PROVING THE WILL OF THE PARTIES TO THE CONTRACT

E. A. Shaposhnikov

Voronezh State University

Аннотация: рассматривается проблема использования личных доказательств при доказывании воли сторон договора. Анализируются позиции ученых-юристов по данному вопросу, а также судебная практика. В ходе анализа выявляется отсутствие единого подхода в судебной практике по использованию отдельных видов доказательств, в связи с чем выдвигается авторское видение проблемы. Помимо этого, затрагиваются вопросы недействительности сделок с пороком воли (мнимые, притворные сделки, сделки, совершенные лицом, не способным понимать значение своих действий и руководить ими). Отдельно поднимается проблема допустимости использования посмертной судебно-психиатрической экспертизы.

Ключевые слова: воля, порок воли, волеизъявление, личные доказательства, свидетельские показания, объяснение стороны, заключение эксперта, недействительность сделок.

Abstract: the article discusses the problem of using personal evidence to prove the will of the parties to the contract. The author analyzes the positions of legal scholars on this issue, as well as judicial practice. The analysis reveals the lack of a unified approach in judicial practice on the use of certain types of evidence, and therefore the author puts forward his own vision of the problem. In addition, the issues of invalidity of transactions with a will defect (imaginary, fake transactions, transactions made by a person who is unable to understand the significance of his actions and direct them) are raised. Separately, the author raises the issue of the permissibility of using postmortem forensic psychiatric examination.

Key words: will, vice of will, expression of will, personal evidence, witness testimony, explanation of the party, expert opinion, invalidity of transactions.

Одной из актуальных проблем гражданского права являются вопросы установления и соотношения между собой таких элементов сделок, как воля и волеизъявление. Современный гражданский оборот невозможно представить без данных категорий, которые одновременно являются не только составляющими, но и условиями действительности гражданско-правовой сделки, и имеют большое значение для всех гражданских правоотношений.¹

По справедливому мнению О. В. Лазаревой, в самом общем виде содержание воли включает в себя такие элементы, как стремление к цели, сознательно совершаемые действия субъекта, желание субъекта на осуществление действий, способность подчинить свои действия таким образом, чтобы достичь результата². И в качестве демонстрации воли выступают сделки – волевые юридические акты.

¹ См., например: Уруков В. Н. Теория воли и волеизъявления в гражданском праве. М. : Юстицинформ, 2019. 620 с. ; Актуальные проблемы гражданского права : учебник под ред. Р. В. Шагиевой. М. : Юстиция, 2019. 380 с.

© Шапошников Е. А., 2025

² См.: Лазарева О. В. Дефекты воли субъектов в гражданском законодательстве : вопросы теории и практики // Правовая политика и правовая жизнь. 2019. № 4. С. 61.

Согласно ст. 153 Гражданского кодекса Российской Федерации³ (далее – ГК РФ) сделками признаются действия граждан и юридических лиц, направленные на установление, изменение или прекращение гражданских прав и обязанностей.

В определении от 13 октября 2022 г. № 2669-О Конституционный Суд РФ указал на то, что упоминание в ст. 153 ГК РФ нацеленности указанных действий на создание тех или иных правовых последствий свидетельствует о том, что они являются волевыми актами. Приведенное законоположение находится в неразрывном единстве со ст. 1 ГК РФ, закрепляющей в качестве основных начал гражданского законодательства принцип диспозитивности и автономии частной воли. Свободная воля является, таким образом, по общему правилу одним из основных элементов и необходимых условий действительности всякой юридической сделки⁴.

Под волеизъявлением принято понимать выражение внутреннего побуждения и намерения лица во вне для других лиц посредством слов или конклюдентных действий (устно) или посредством закрепления текста на каком-то носителе (письменно). Поскольку право – один из наиболее формальных регуляторов социальных отношений, то для него область побуждений и внутренних устремлений лиц является трудноустановимой, почти не поддающейся формализации. В связи с этим в цивилистике существует презумпция соответствия волеизъявления действительной воле участника отношений, т. е. предполагается, что пока не доказано обратное, воля, проявленная во вне (в тексте документа или вербально) и есть действительная воля лица. Как и с любой иной презумпцией, ее можно опровергнуть, доказав, что воля субъекта отличается от той, что была им выражена для других лиц.

На практике нередки ситуации, когда воля стороны договора не соответствует волеизъявлению стороны, ввиду каких-либо пороков того или другого. В этих случаях для участников гражданского оборота предусмотрена возможность

оспаривания (признания недействительными) сделок с пороком воли. К составам таких сделок разные ученые относят: мнимые, притворные сделки; сделки, совершенные гражданином, не способным понимать значение своих действий или руководить ими; сделки, совершенные под влиянием обмана, насилия, угрозы или стечения неблагоприятных обстоятельств. Критерии разграничения оснований недействительности сделок в зависимости от групп условий их действительности (по порокам субъекта, порокам воли, порокам содержания и порокам формы) неоднозначны, представляют собой предмет оживленных дискуссий в науке гражданского права.

Вместе с тем общепризнано, что для опровержения презумпции соответствия внешнего выражения воли ее внутреннему содержанию следует доказать, либо что воля формировалась несвободно, а под воздействием прямо указанных в законе определенных обстоятельств, например угроз, физического воздействия (насилия), обмана или заблуждения, либо сам факт формирования воли может быть поставлен под сомнение, как в случаях с неполной дееспособностью субъектов или одномоментной неспособностью осознавать свое поведение. Несмотря на то что дееспособность и неспособность понимать значение своих действий обычно относятся к пороку субъекта, в них с очевидностью наблюдается и порок воли, поскольку именно признание способности самостоятельно понимать правовое значение своих действий и их последствия является критерием для определения объема дееспособности субъекта.

Следовательно, поскольку правовыми методами нельзя установить мысли и побуждения лица, то несоответствие действительной воли ее внешнему выражению определяется косвенно, через процесс формирования и выражения воли, свободный от определенных внешних факторов.

Законодатель не ограничивает стороны в выборе средств доказывания указанных факторов, которые обозначаются как пороки воли. Стороны могут использовать как вещественные (письменные), так и личные доказательства. К последним традиционно относят свидетельские показания и объяснение стороны.

Анализ судебной практики по использованию личных доказательств при доказывании воли сторон договора показал, что у судов нет единого подхода при оценке личных доказательств по данной категории споров.

³ Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации : федер. закон от 14 ноября 2002 г. № 138-ФЗ (с изм. и доп. от 26.10.2024) // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2002. Ст. 4532.

⁴ См.: Определение Конституционного Суда РФ от 13 октября 2022 г. № 2669-О. Доступ из информ.-правовой системы «Гарант».

Остановимся далее на особенностях получения, исследования и оценивания личных доказательств судом при рассмотрении споров по трем основаниям для недействительности сделок, так или иначе связанных с волей.

Порок воли при заключении сделки гражданином, не способным понимать значение своих действий или руководить ими

Предметом доказывания по делам о признании недействительности сделок на основании ст. 177 ГПК РФ является наличие или отсутствие у гражданина психического заболевания или какого-то иного состояния на момент совершения сделки, ввиду которого он не способен понимать значение своих действий или руководить ими.

Как отмечает Р. М. Махмутов, процесс доказывания недействительной сделки по основанию ст. 177 ГК РФ – это очень сложная и системная работа. Необходимо проанализировать сразу несколько сторон здоровья человека, а именно психическое здоровье, интеллектуальное, духовное, уровень развития и образованность, способность человека к проявлению воли и интереса⁵.

Изначально в ст. 177 ГК РФ заложены в качестве оснований для оспаривания три принципиально различные ситуации:

– сделка, совершенная гражданином, **хотя и дееспособным**, но находившимся в момент ее совершения в таком состоянии, когда он не был способен понимать значение своих действий или руководить ими;

– сделка, совершенная гражданином, **впоследствии признанным недееспособным**, если доказано, что в момент совершения сделки гражданин не был способен понимать значение своих действий или руководить ими;

– сделка, совершенная гражданином, **впоследствии ограниченным в дееспособности вследствие психического расстройства**, если доказано, что в момент совершения сделки гражданин не был способен понимать значение своих действий или руководить ими и другая сторона сделки знала или должна была знать об этом.

Объединяет все три эти основания то, что в момент заключения договора лица не обладало способностью осознавать происходящее с

ним настолько, чтобы понимать, что он совершает именно сделку, вызывает или изменяет определенные правовые последствия для себя, чем-либо себя связывает, что-либо утрачивает или приобретает.

Безусловно, во всех трех случаях речь идет об особом психическом состоянии этого лица, но вместе с тем эти состояния могут иметь разную медицинскую составляющую и, что самое главное, разную юридическую квалификацию. Именно эти различия и будут оказывать существенное влияние на то, какими средствами доказывания следует подтверждать указанные обстоятельства в суде при оспаривании сделок. Нужно признать, что в судебной практике не всегда можно увидеть понимание такого рода различий при оценке представленных доказательств, о чем речь пойдет ниже.

В самом общем виде суды довольно единодушны в том, что особое психическое состояние гражданина можно доказать как письменными, так и личными доказательствами.

В определении от 25 сентября 2024 г. по делу № 8Г-18584/2024 Восьмой кассационный суд общей юрисдикции пришел к выводу, что свидетельские показания о том, что лицо страдало психическим заболеванием и не могло понимать значение своих действий, являются надлежащими доказательствами по делу.⁶ К схожему выводу пришел Первый кассационный суд общей юрисдикции, который указал, что лицо осознавало последствия своих действий, о чем свидетельствуют показания свидетелей, которым она сообщала о намерении завещать свое имущество организации⁷.

Однако ранее были выявлены три принципиально разные ситуации, отраженные в составах ст. 177 ГК РФ, которые требуют и специфических подходов суда к допустимости отдельных доказательств.

В первом основании (ч. 1 ст. 177 ГК РФ) речь идет о лице, которое является дееспособным по возрасту и не признано судом недееспособным или ограниченным в дееспособности по иным

⁶ См. Определение Восьмого кассационного суда общей юрисдикции от 25 сентября 2024 г. по делу № 8Г-18584/2024. Доступ из информ.-правовой системы «Гарант».

⁷ См.: Определение СК по гражданским делам Первого кассационного суда общей юрисдикции от 15 июня 2023 г. по делу № 8Г-10553/2023. Доступ из информ.-правовой системы «Гарант».

⁵ См.: Мамутов Р. М. Недействительность сделки, совершенной гражданином, не способным осознавать свои действия или руководить ими // Вопросы студенческой науки. 2023. № 06 (82). С. 149.

основаниям. При этом законодатель не указывает на обязательное наличие у лица психических заболеваний, приведших к такому его состоянию неосознанности. Таким образом, психического заболевания может вовсе не быть или не оно будет причиной кратковременной утраты способности лица к руководству своими действиями при сделке. Или заболевание может иметь место, просто никто не обращался и впоследствии не обратится в суд для признания гражданина недееспособным (ограниченным в дееспособности).

С процессуальной точки зрения, в предмет доказывания по первому основанию войдут следующие обстоятельства: дееспособность по возрасту, отсутствие решения суда об умалении дееспособности, состояние и поведение лица в момент заключения сделки (сбивчивая речь, странные ответы на вопросы других лиц, трясущиеся руки, неадекватные реакции на простые ситуации, проблемы с памятью, состояние беременности, признаки опьянения и т. п.). Перечисленные обстоятельства действительно могут доказываться как письменными доказательствами (документами, например паспортом или свидетельством о рождении, выписками, справками и др.), так и личными доказательствами (объяснениями самих сторон сделки, показаниями свидетелей, в том числе пояснениями нотариуса или других должностных лиц). Все эти доказательства, если они получены и представлены суду в соответствии с законом, будут допустимыми, и, оценивая их в совокупности, суд сможет сделать вывод о наличии или отсутствии воли лица на совершение конкретной сделки. В процессе оценивания личных доказательств, в частности показаний свидетелей, суд должен будет уделить внимание и тому аспекту, насколько можно полагаться на выводы каждого из них об увиденном и услышанном, в частности выяснит, имеют ли они медицинское образование, как далеко они находились в момент совершения сделки и что могли видеть и слышать и пр.

Приведем вывод Четвертого кассационного суда общей юрисдикции по схожему делу, также основанному на положениях ст. 77 ГК РФ. Так, кассационный суд в своем определении от 10 ноября 2022 г. по делу № 8Г-21386/2022 указал, что свидетельские показания о том, что лицо являлось дееспособным, на момент сделки, не являются допустимым доказательством, так как свидетели специальными познаниями в области психиатрии, способными оценить пси-

хическое состояние лица на момент совершения оспариваемой сделки, не обладают⁸. К похожему выводу пришел и Кировский областной суд, который указал, что установление факта наличия или отсутствия психического расстройства и его степени относится к компетенции экспертов в соответствующей области познаний, которая не может быть подменена суждениями лиц, участвующих в деле, свидетелей, а также суда о таком расстройстве.⁹

О чём говорит приведенная судебная практика? Прежде всего о том, что суды имеют в виду либо два следующих основания для оспаривания, содержащихся в п. 2 ст. 177 ГК РФ, либо в первом основании уделяют особое внимание двум таким фактам, как дееспособность и наличие психического расстройства (заболевания). И это представляется совершенно обоснованным и требующим обсуждения.

По двум другим основаниям (п. 2 ст. 177 ГК РФ) меняется прежде всего предмет доказывания, а уже далее это влияет и на допустимость доказательств. В предмет доказывания, во-первых, дополнительно включается признание гражданина, совершившего оспариваемую сделку, впоследствии недееспособным или ограниченным в дееспособности вследствие психического заболевания. Поскольку такое признание относится только к компетенции суда, то единственным допустимым доказательством данных фактов будет вступившее в законную силу решение суда. Никакими иными доказательствами эти факты подтвердить нельзя в силу закона.

Во-вторых, в предмет доказывания добавляется необходимость установить ретроспективно, что в силу именно психического расстройства, послужившего причиной для последующего умаления дееспособности лица, в момент совершения оспариваемой сделки этот субъект также не мог понимать значения своих действий. В данном случае доказать, что болезнь существовала у лица и ранее (до признания его недееспособным), а также что она в момент совершения сделки мешала ему формировать волю, могут только лица, обладающие медицинским обра-

⁸ См.: Определение Четвертого кассационного суда общей юрисдикции от 10 ноября 2022 по делу № 8Г-21386/2022.

⁹ См.: Апелляционное определение СК по гражданским делам Кировского областного суда от 10 мая 2023 г. по делу № 33-2099/2023. Доступ из информ.-правовой системы «Гарант».

зованием и соответствующей специализацией в области психиатрии, более никто. Таким образом, это должно быть заключение судебно-психиатрической экспертизы или (и) показания специалистов (экспертов) в суде. Думается, что наряду с экспертизой суд может признать в качестве допустимых доказательств и иные медицинские документы, поскольку суду надо будет давать оценку, в том числе и самой экспертизе. Все иные доказательства: объяснения сторон, свидетельские показания, видеозаписи момента совершения сделки и т. п. – также должны быть исследованы судом и оценены в совокупности с заключением экспертов, а во многом могут и лечь в основу такого заключения.

Суду следует учитывать, кто именно дает показания, ведь в большинстве случаев показания дают лица, не обладающие специальными знаниями в области психиатрии. Логичным выходом из данной ситуации является допрос лечащего врача в качестве свидетеля, однако на практике не все лица, чья воля оспаривается, находились под наблюдением врача.

Учитывая указанный выше подход, интересным, по мнению автора, является вывод, сделанный Девятым кассационным судом общей юрисдикции. В своем определении суд указал, что порок воли при составлении завещания не доказан, что подтверждается заключением посмертной судебно-психиатрической экспертизы и свидетельскими показаниями, в частности показаниями нотариуса.

Согласно ст. 43 Основ законодательства РФ о нотариате при удостоверении сделок нотариус осуществляет проверку дееспособности граждан и правоспособности юридических лиц, а также наличия волеизъявления заявителей¹⁰.

Вместе с тем нотариусу доступно в действительности проверить только дееспособность по возрасту или – если ему будут предоставлены такие сведения – изменение объема дееспособности на основании решения суда. Без судебных актов нотариус не может проверить изменение дееспособности совершеннолетних лиц, поскольку это правовая характеристика субъекта, установленная решением суда. Однако он может и должен проверять волю лица при совершении им сделки и факт понимание им значения своих действий, так как для этого ему не требует-

ся ставить медицинский диагноз, он проверяет эмоциональное, физическое и психологическое состояние сторон сделки, так как это требует п. 1 ст. 177 ГК РФ, – наблюдая и выявляя признаки неадекватных реакций на свои вопросы, признаки опьянения, демонстрацию страха и т. п. В задачи нотариуса входит не выявление психической болезни или ее констатация, а определение внешних, очевидных и недвусмысленных признаков того, что лицо не понимает, что за сделку оно совершает, зачем она, какие риски влечет.

На практике нотариусы задают вопросы гражданину, начиная с его имени и имени контрагента, предмета и цели сделки, принадлежности имущества, что и позволяет им по ответам на заданные вопросы выяснить истинное волеизъявление гражданина. При этом наличие или отсутствие медицинского психиатрического диагноза лица нотариус может только предположить, если ему не предоставлены соответствующие документы сторонами сделки. Таким образом, проверка нотариусом именно дееспособности лица как юридического свойства может быть только относительной, если она не касается возраста, а его наблюдение за состоянием сторон в момент заключения сделки должно исключить ее нотариальное удостоверение при наличии любых разумных сомнений в том, что контрагент или оба действительно руководят своими действиями самостоятельно и осознанно. Именно в связи с изложенным вполне возможна, хотя и минимально вероятна, ситуация, когда оспаривается сделка в нотариальной форме по основаниям ст. 177 ГК РФ, а нотариус должен быть в числе лиц, допрошенных судом о своих наблюдениях по поводу поведения гражданина в период заключения договора у нотариуса.

Данный вывод подтверждается практикой Верховного Суда РФ. Так, при рассмотрении арбитражного спора суд первой инстанции на основании заключения психолого-психиатрической экспертизы пришел к выводу, что гражданин в момент совершения сделки не мог понимать значение своих действий. Суд апелляционной инстанции, допросив нотариуса, пришел к обратному выводу: нотариус установил дееспособность лица, а значит, гражданин в момент совершения сделки понимал значение своих действий. Верховный Суд РФ отменил вышеуказанные постановления судов и пояснил следующее: основание недействительности сделки, предусмотренное в ст. 177 ГК РФ, связано с пороком

¹⁰ Основы законодательства РФ о нотариате от 11 февраля 1993 г. № 4462-1 // Ведомости съезда народных депутатов РФ и ВС РФ. 1993. № 10. Ст. 357.

воли, вследствие чего сделка, совершенная гражданином, находившимся в момент ее совершения в таком состоянии, когда он не был способен понимать значение своих действий или руководить ими, не может рассматриваться в качестве сделки, совершенной по его воле. При этом не имеет правового значения дееспособность лица, поскольку тот факт, что лицо обладает полной дееспособностью, не исключает наличия порока его воли при совершении сделки¹¹.

Как отмечает А. А. Пухкоева, при оценке свидетельских показаний суд учитывает степень близости отношений между свидетелями и гражданином, а также их объективность и независимость. Чем ближе свидетель к гражданину и чем больше у него мотивов оказать влияние на результат дела, тем критичнее суд может отнести к его показаниям¹². Однако иногда заинтересованность свидетеля, такого как нотариус, может происходить из желания защитить свою репутацию. Показания нотариуса при оспаривании сделок в нотариальной форме не должны иметь приоритет перед иными доказательствами, но при их оценке суд должен исходить из опыта, стажа нотариуса, а также реальной возможности для нотариуса выявить признаки неосознаваемости своего поведения одной из сторон в конкретный момент времени и в конкретных обстоятельствах.

Помимо свидетельских показаний, важным доказательством по данной категории дел является судебная экспертиза. Судебная экспертиза имеет признаки личного доказательства, так как данное доказательство (заключение) формируется человеком, соответственно, в нем есть отпечаток личности.

В абз. 3 п. 13 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 24 июня 2008 г. № 11 «О подготовке гражданских дел к судебному разбирательству» разъяснено, что во всех случаях, когда по обстоятельствам дела необходимо выяснить психическое состояние лица в момент совершения им определенного действия, должна быть назначена судебно-психиатрическая экспертиза, например, при рассмотрении дел о признании недействительными сделок по мотиву со-

вершения их гражданином, не способным понимать значение своих действий или руководить ими (ст. 177 ГК РФ), а также в тех случаях, когда назначение экспертизы предусмотрено законом, в частности, по делам о признании гражданина недееспособным вследствие психического расстройства (ст. 283 ГПК РФ) и о признании его дееспособным в случае выздоровления или значительного улучшения состояния здоровья (ч. 2 ст. 286 ГПК РФ)¹³.

Представляется, что о назначении судебной-психиатрической экспертизы в обязательном порядке может идти речь только при оспаривании сделки по п. 2 ст. 177 ГК РФ, в то время как для доказывания «состояния», в силу которого лицо не смогло осознавать значение своих действий при совершении сделки, по п. 1 ст. 177 ГК РФ, экспертиза должна назначаться судом только при наличии обоснования и в случае, если иных представленных доказательств недостаточно для однозначного вывода суда.

Наиболее интересным является возможность использования посмертной судебно-психиатрической экспертизы в данной категории дел, когда лицо, чья воля оспаривается, является умершим. Анализ судебной практики показал, что в большинстве случаев суды признают заключение судебной экспертизы о психическом состоянии гражданина на момент смерти допустимым доказательством и мотивируют свои решения выводами судебной экспертизы¹⁴. При этом не исключены ситуации невозможности проведения посмертной судебно-психиатрической экспертизы, если отсутствуют или утрачены медицинские документы умершего лица¹⁵.

Примером, когда суд соглашается с выводом о невозможности провести экспертизу и в

¹³ О подготовке гражданских дел к судебному разбирательству : постановление Пленума ВС РФ от 24 июня 2008 г. № 11 // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2008. № 9.

¹⁴ См.: Определение СК по гражданским делам Восьмого кассационного суда общей юрисдикции от 10 октября 2023 г. по делу № 8Г-18785/2023 ; Определение СК по гражданским делам Четвертого кассационного суда общей юрисдикции от 8 июня 2023 г. по делу № 8Г-14911/2023 ; Апелляционное определение СК по гражданским делам Иркутского областного суда от 7 октября 2024 г. по делу № 33-8749/2024. Доступ из информ.-правовой системы «Гарант».

¹⁵ Определение СК по гражданским делам Второго кассационного суда общей юрисдикции от 10 марта 2020 г. по делу № 8Г-59/2020. Доступ из информ.-правовой системы «Гарант».

¹¹ Определение Верховного Суда РФ от 10 сентября 2020 г. по делу № 305-ЭС20-5407. Доступ из информ.-правовой системы «Гарант».

¹² См.: Пухкоева А. А. Некоторые проблемы доказывания порока воли при заключении сделок // Вопросы российской юстиции. 2024. № 31. С. 187–188.

то же время соотносит свой вывод с иными доказательствами по делу, может служить решение Ростовского областного суда: «Из сообщения комиссии экспертов о невозможности проведения посмертной судебно-психиатрической экспертизы следует, что лицо группы инвалидности по психическому заболеванию не имела, в медицинской документации отсутствует описание ее психического состояния, поведения и высказываний врачами иных клинических специальностей в интересующий суд период. В связи с этим не усматривается наличие у наследодателя при жизни каких-либо психических расстройств, вследствие которых она не могла понимать значение своих действий и руководить ими, что также согласуется с показаниями допрошенных в ходе судебного заседания свидетелей».¹⁶

Из анализа изложенного можно сделать вывод, что в случае невозможности проведения судебной экспертизы суды исходят из того, что для доказательства особого состояния лица, препятствующего для него пониманию своих действий, можно использовать, в том числе, иные личные доказательства (показания свидетелей, объяснения лиц, участвующих в деле).

Стоит обратить внимание на индивидуальные особенности проявления психических расстройств у разных людей, а также то, что некоторым заболеваниям свойственна довольно стойкая и длительная ремиссия, когда человек, несмотря на заболевание, способен понимать значение своих действий. И его поведение в момент заключения договора будет вполне обычным. Как отмечает Е. В. Королёва, психические расстройства часто не сопровождаются выраженным нарушением социального функционирования и не препятствуют больным занимать активную жизненную позицию, участвовать в сложных имущественно-правовых отношениях, в том числе и по заключению новых, появившихся в последние годы видов сделок. Поведение лица может определяться не только заболеванием, сколько спецификой проявления психологических особенностей¹⁷.

¹⁶ См.: Апелляционное определение СК по гражданским делам Ростовского областного суда от 26 марта 2024 г. по делу № 33-5036/2024. Доступ из информ.-правовой системы «Гарант».

¹⁷ См.: Королёва Е. В. Судебно-психиатрическая оценка психических расстройств у лиц, совершивших сделки : автореф. дис. ... д-ра мед. наук. М., 2010. С. 5–8.

Н. Ш. Ибрагимова отмечает, что в юридической литературе существует мнение о недостаточности судебной экспертизы в качестве доказательства, так как у лиц, страдающих психическим заболеванием, возможны периоды ремиссии, которые могут совпадать по времени с составлением завещания¹⁸.

При этом нельзя исключать возможность допущения ошибки при проведении экспертизы, особенно если она проводится посмертно. Сложность сбора доказательств и довольно короткий период подлежащего исследованию состояния наследодателя создают трудности, прежде всего для эксперта, который проводит посмертную экспертизу. Это чревато допущением в заключении гносеологических ошибок, неверными выводами и выводами, носящими вероятностный характер¹⁹.

По мнению автора, суды должны стремиться к воссозданию наиболее полной и достоверной «картины» состояния лица, неосознанно заключившего договор, поэтому необходимо сочетать различные виды доказательств, в частности при невозможности проведения полноценной экспертизы суд вправе привлечь специалиста (ст. 188 ГК РФ) для того, чтобы им была дана оценка, в том числе того, что изложено в показаниях свидетелей. Так, суд может обратиться за консультацией специалиста (врача-психиатра), который будет присутствовать при даче показаний свидетелями. Он может проанализировать показания на факт внешних признаков заболевания и сделать предположительный вывод о наличии заболевания, о возможной ремиссии и иные выводы, имеющие значение для рассмотрения дела. Однако ни одно из доказательств не должно являться решающим и суд должен оценить их в совокупности.

Порок воли при заключении мнимых или притворных сделок

Согласно п. 86–87 постановления Пленума ВС РФ от 23 июня 2015 г. № 25 «О применении судами некоторых положений раздела I части первой

¹⁸ См.: Ибрагимова Н. Ш. Актуальные вопросы наследования недвижимого имущества // Вестник юрид. ф-та Южного федер. ун-та. 2021. Т. 8, № 2. С. 61.

¹⁹ См.: Тахмазов Э. Ш. Некоторые проблемы признания недействительным завещания на основании п. 1 ст. 177 ГК РФ // Вестник С.-Петерб. ун-та МВД России. 2022. № 4 (96). С. 75.

Гражданского кодекса Российской Федерации»²⁰ (далее – постановление Пленума ВС РФ № 25) под мнимой сделкой понимается сделка, совершенная лишь для вида, без намерения создать соответствующие ей правовые последствия, а под притворной сделкой – сделка, совершенная с намерениями прикрыть другую сделку, в том числе сделку на иных условиях, с иным субъектным составом.

Порок воли при мнимой сделке заключается в том, что стороны не намерены создать соответствующие ей правовые последствия, т. е. совершают ее «для вида». Это означает, что у сторон отсутствовала воля на ее исполнение. При притворной сделке порок воли заключается в том, что воля сторон не направлена на конечную цель заключаемой сделки. Стороны подменяют одни правовые последствия другими.

По мнению А. Н. Морозовой, перед судом стоят сложные задачи в установлении воли сторон сделки, в определении стремления лиц к порождению определенных правовых последствий, к выяснению, стремились стороны достичь те правовые последствия, которые содержатся во внешней форме сделки, или же не стремились вообще²¹.

Важным отличием мнимой сделки от иной сделки является отсутствие важнейшего признака сделки – это направленность на прекращение, изменение или создание гражданских правоотношений, которые порождают права и обязанности у сторон²².

В предмет доказывания по данной категории споров входят установление следующих обстоятельств. Для признания сделки недействительной ввиду ее мнимости необходимо установить факт того, что стороны на самом деле не имели намерения на возникновение, изменение и прекращение гражданских прав и обязанностей, обычно порождаемых такой сделкой. Для признания сделки недействительной по основанию ее притворности необходимо доказать факт отсутствия результатов ее исполнения и факт на-

²⁰ О применении судами некоторых положений раздела I части первой Гражданского кодекса Российской Федерации : постановление Пленума ВС РФ от 23 июня 2015 г. № 25 // Бюллетень ВС РФ. 2015. № 8.

²¹ См.: Морозова А. Н. Особенности судебного доказывания воли сторон при заключении сделок // Studnet. 2020. № 9. С. 1625.

²² См.: Дубень А. К. Мнимые сделки в свете реформирования гражданского законодательства // Таврический научный обозреватель. 2017. № 3. С. 177.

правленности истинной воли сторон на совершение иной сделки.

Согласно правовой позиции, изложенной в определении Высшего Арбитражного Суда РФ от 25 мая 2011 г. № ВАС-6208/11²³, мнимость и притворность сделок доказываются всеми видами доказательств (свидетельскими показаниями, письменными и вещественными доказательствами). Данный подход также отражается в последующих актах ВС РФ. Так, согласно определению ВС РФ от 19 апреля 2016 г. № 83-КГ16-4 мнимость сделки может быть подтверждена любыми средствами доказывания, в том числе свидетельскими показаниями²⁴.

Сложившаяся судебная практика исходит из того, что порок воли по мнимым и притворным сделкам может подтверждаться любыми средствами доказывания, в том числе личными доказательствами.²⁵

Однако имеются решения, в которых суд отдавал предпочтение личным доказательствам. Так, Ленинский районный суд г. Воронежа в решении особое внимание уделил объяснениям ответчика и свидетельским показаниям соседки Истца, несмотря на многочисленные письменные доказательства, имеющиеся в материалах дела.²⁶

Имеются и противоположные подходы. Так, Россошанский районный суд Воронежской области рассматривал спор о недействительности мнимой сделки. Суд пришел к выводу, что сделка не является мнимой, а ответчик является добросовестным приобретателем. Довод ответчика М. о том, что в договоре купли-продажи указаны не его данные и то, что данную сделку он не заключал, были отклонены судом. Также суд полностью проигнорировал объяснения других со-

²³ Определение Высшего Арбитражного Суда РФ от 25 мая 2011 г. № ВАС-6208/11. Доступ из информ.-правовой системы «Гарант».

²⁴ См.: Определение Верховного Суда РФ от 19 апреля 2016 г. № 83-КГ16-4. Доступ из информ.-правовой системы «Гарант».

²⁵ См.: Апелляционное определение СК по гражданским делам Челябинского областного суда от 11 мая 2018 г. по делу № 11-6301/2018 ; Определение СК по гражданским делам Шестого Кассационного суда общей юрисдикции от 20 февраля 2023 г. по делу № 8Г-1331/2023. Доступ из информ.-правовой системы «Гарант».

²⁶ См.: Решение Ленинского районного суда г. Воронеж от 27 ноября 2024 г. по делу № 2-3534/2024. Доступ из информ.-правовой системы «Гарант».

ответчиков о том, что они никогда не покупали и не продавали спорный автомобиль, что у них отсутствовала воля на данные действия²⁷.

Часто свидетельские показания и объяснения сторон играют решающую роль при вынесении решения. Судья обязан дать оценку всем доказательствам, имеющимся в деле. Так, Верховный Суд РФ вернул дело на новое рассмотрение, ввиду того что суд не отразил в апелляционном определении результаты оценки каждого доказательства, в том числе полученных из объяснений сторон и свидетельских показаний, в отдельности, а также взаимную связь данных доказательств в их совокупности.²⁸

Таким образом, при рассмотрении споров о признании сделок недействительными ввиду их мнимости или притворности судебная практика исходит из того, что порок воли по данным сделкам доказывается любыми допустимыми средствами доказывания. Однако в последнее время суды всё менее активно признают личные доказательства допустимыми.

Библиографический список

Актуальные проблемы гражданского права : учебник под ред. Р. В. Шагиевой. М. : Юстиция, 2019. 380 с.

Ибрагимова Н. Ш. Актуальные вопросы наследования недвижимого имущества // Вестник юрид. ф-та Южного федер. ун-та. 2021. Т. 8, № 2. С. 59–62

Королёва Е. В. Судебно-психиатрическая оценка психических расстройств у лиц, совершивших сделки : автореф. дис. ... д-ра мед. наук. М., 2010. 323 с.

Лазарева О. В. Дефекты воли субъектов в гражданском законодательстве : вопросы теории и практики // Правовая политика и правовая жизнь. 2019. № 4. С. 59–65.

Мамутов Р. М. Недействительность сделки, совершенной гражданином, не способным осознавать свои действия или руководить ими // Вопросы студенческой науки. 2023. № 06 (82). С. 147–151.

²⁷ См.: Решение Россоншанского районного суда Воронежской области от 31 октября 2024 г. по делу № 2-3-85/2024. Доступ из информ.-правовой системы «Гарант».

²⁸ Определение Судебной коллегии по гражданским делам ВС РФ от 19 сентября 2017 г. № 77-КГ17-22. Доступ из информ.-правовой системы «Гарант».

Морозова А. Н. Особенности судебного доказывания воли сторон при заключении сделок // Studnet. 2020. № 9. С. 1622–1628

Пухкоева А. А. Некоторые проблемы доказывания порока воли при заключении сделок // Вопросы российской юстиции. 2024. № 31. С. 185–189.

Тахмазов Э. Ш. Некоторые проблемы признания недействительным завещания на основании п. 1 ст. 177 ГК РФ // Вестник С.-Петерб. ун-та МВД России. 2022. № 4 (96). С. 72–77.

Уруков В. Н. Теория воли и волеизъявления в гражданском праве. М. : Юстицинформ, 2019. 620 с.

Дубень А. К. Мнимые сделки в свете реформирования гражданского законодательства // Таврический научный обозреватель. 2017. № 3. С. 177–180.

References

Current issues of civil law : textbook / ed. by R. V. Shagieva. Moscow : Justice, 2019. 380 p.

Ibragimova N. Sh. Current issues of inheritance of real estate // Bulletin of the Law Faculty of the Southern Federal University. 2021. Vol. 8, No. 2. P. 59–62.

Koroleva E. V. Forensic psychiatric assessment of mental disorders in persons who have concluded transactions : dr. Medical sci. dis. abstr. Moscow, 2010. 323 p.

Lazareva O. V. Defects of the will of subjects in civil legislation : issues of theory and practice // Legal policy and legal life. 2019. No. 4. P. 59–65.

Mamutov R. M. Invalidity of a transaction concluded by a citizen who is incapable of understanding his actions or controlling them // Questions of student science. 2023. No. 06 (82). P. 147–151.

Morozova A. N. Features of judicial proof of the will of the parties when concluding transactions // Studnet. 2020. No. 9. P. 1622–1628.

Pukhkoeva A. A. Some problems of proving a defect in will when concluding transactions // Questions of Russian justice. 2024. No. 31. P. 185–189.

Takhmazov E. Sh. Some problems of recognizing a will as invalid on the basis of paragraph 1 of Article 177 of the Civil Code of the Russian Federation // Bulletin of the St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2022. No. 4 (96). P. 72–77.

Urukov V. N. Theory of Will and Expression of Will in Civil Law. Moscow : Yustitsinform, 2019. 620 p.

Duben A. K. Fictitious Transactions in Light of Civil Legislation Reform // Tavrichesky Scientific Observer. 2017. No. 3. P. 177–180.

**V Международный междисциплинарный научно-практический семинар
«Воля, ее формирование и проявление: взгляды в юриспруденции...»**

Воронежский государственный университет
Шапошников Е. А., аспирант кафедры гражданского права и процесса
E-mail: shegor1337@bk.ru

Поступила в редакцию: 24.01.2025

Для цитирования:
Шапошников Е. А. Использование личных доказательств при доказывании воли сторон договора // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Право. 2025. № 2 (61). С. 314–323. DOI: <https://doi.org/10.17308/law/1995-5502/2025/2/314-323>

Voronezh State University
Shaposhnikov E. A., Post-graduate Student of the Department of Civil Law and Procedure
E-mail: shegor1337@bk.ru

Received: 24.01.2025

For citation:

Shaposhnikov E. A. The use of personal evidence when proving the will of the parties to the contract // Proceedings of Voronezh State University. Series: Law. 2025. No 2 (61). P. 314–323. DOI: <https://doi.org/10.17308/law/1995-5502/2025/2/314-323>